
РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Светлана Ярошенко

КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ?

Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 668с. ISBN 978-5-94607-139-0.

Данная книга обращается к вопросам, которые, в условиях глобального финансового кризиса и роста протестного движения по всему миру, волнуют социологов не только в России, но и за ее пределами: что мобилизует общественные движения, чьи интересы они представляют и какие социальные изменения предвещают. Авторы книги – активисты-исследователи с левыми взглядами – пытаются ответить на эти вопросы «снизу», исходя из практического опыта россиян, перешедших в ряды активных граждан. И стремятся понять, откуда в российском обществе, в котором крайне ограничены возможности для коллективной мобилизации, берутся активисты, готовые к совместному решению конкретных социальных проблем. Категория «активистского опыта» центральная в их рассуждениях, поэтому в данной рецензии основной акцент делается на том, как исследователи оперируют этой категорией, и насколько обоснованы их тезисы.

Авторы ставят перед собой довольно сложную задачу, отягощенную определенной двойственностью. Во-первых, они намерены «содействовать активизации людей на защиту своих прав» (С. 19), а, во-вторых, разобраться, «в каких ситуациях и под воздействием каких условий люди, которые до этого вели обычную жизнь, вдруг активизируются» (С. 31). Основу книги со-

Светлана Ярошенко – к.социол.н., доцент, кафедра сравнительной социологии, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: svetayaroshenko@gmail.com

ставили данные исследований массовых выступлений с 2005 по 2008 гг. В широком смысле, это этнографическое, ориентированное на понимание «других» исследование, с использованием качественных методов. С лидерами и рядовыми активистами движений проводились глубинные интервью в двадцати регионах, велся мониторинг коллективных протестных действий, осуществлялось наблюдение. Кроме того, использовался метод кейс-стади: глубинного изучения отдельных случаев коллективной деятельности.

Надо полагать, что внушительная информационная база лишь отчасти вошла в опубликованную работу. Алгоритм сбора информации (проведения наблюдений и интервью, отбора случаев, наведения фокуса единичного кейс-стади, его применения или развития в дальнейшем) остается за рамками описания методологической части. Неясно, как анализировались глубинные интервью, как их формат сопоставлялся с данными кейс-стади. Также не раскрываются особенности взаимодействия исследователей и информантов. Между тем, в исследованиях, совмещающих с активистской деятельностью, отношения с изучаемой категорией становятся составной частью исследовательского процесса. Влияние социолога на ее создание, изменение и представление в обществе неоднозначно, потому что исследование в стиле публичной социологии содержит различные «ловушки и возможности» (Буравой 2008: 14–18). Иными словами, методология изучения зарождающихся социальных движений заслуживает более подробного описания, чтобы стать предметом обсуждения.

Исследовательский вопрос – как при неблагоприятных для активизма условиях возникает прецедент коллективного действия и социальных движений – требует теоретического прорыва. Авторы видят значимый потенциал в изучении повседневных практик. Они опираются на теорию фреймов Ирвина Гофмана и теорию режимов вовлеченности Лорана Тевено. Их теоретический подход, сформулированный в рамках прагматистской социологии, отличает несколько моментов. Во-первых, фокус на изменение привычного стиля мышления и действия, или фрейм-трансформацию. Во-вторых, выделение таких составных элементов активизации как практический смысл, эмоции и конкретная проблемная ситуация. В-третьих, признание различных вариантов социального действия, когда при одних условиях человек может действовать обывательски, а при других – активно включаться в коллективные действия. Именно при детальном изучении перехода из одного состояния в другое планируется развить «упрощенную теорию общественных движений» (С. 295). Далее я предлагаю обратиться к тому, каким образом разрешается исследовательская загадка.

Обывательские рамки. Привычный стиль мышления и действия в работе называется обывательским. Негативные смыслы, приписываемые данному понятию, авторы стремятся минимизировать. Но уничтожение остается, в том числе в оговорках о его заимствовании из среды активистов, в постоянном подчеркивании сочувствия тем, кто подпадает под это

определение. Их привычный опыт описывается в терминах разобщения, апатии, низкого уровня доверия, отчуждения от власти, т.е. преимущественно в тех характеристиках, которыми принято фиксировать аномию и разрыв связей. Для уточнения палитры обывательского стиля действия в тексте приводится около двух десятков типичных его проявлений. В перечислении преобладают отрицательные персонажи: «подрыватели», «озлобленные и беспомощные», «пассивные эгоисты», «потребители», «пофигисты» – но нет их голосов и перспектив, поясняющих и объясняющих какво жить в условиях отчуждения от власти. На этом фоне активные граждане, еще до появления в общей картине, представляются героями, разрывающими цепи патернализма.

О героях социальных движений. Признаком активизации «обывателей» и их перехода от ожидания к действиям послужили очаги общественной активности в 2000-е гг., когда в относительно стабильных социально-экономических условиях проходит волна массовых выступлений против сокращения социальных и трудовых гарантий. Возмущение, публичный протест с выходом на улицы сигнализируют о переходе «низов» к активным действиям. При его описании авторы исходят из предельно общего понятия социальных движений. К ним относятся «слабо формализованные и слабо институционализированные коллективные действия, обладающие определенной устойчивостью, в какой-то мере организованные, скоординированные и направленные на социальные изменения» (С. 75). Индуктивная логика анализа, исходящая из эмпирических данных, согласно которым большинство респондентов не связано с какой-либо общественной организацией, не формулирует политических требований, и не заинтересовано в захвате власти, позволила допустить парадоксальную возможность социальных изменений вне существующих общественных организаций и без власти. Авторам удается зафиксировать аморфное образование – зарождающиеся социальные движения, – выявить их особенность через краткий экскурс в историю общественных движений от Перестройки до наших дней, выделить новый этап активизации на конкретных примерах коллективной мобилизации.

О новизне. Дальнейшие рассуждения выстраиваются через анализ наиболее значимых социальных движений того периода: против монетизации льгот и за защиту социальных прав (2005), жилищное движение (2006) и рабочее движение (2006–2007). В качестве критериев значимости признается участие людей, которые лично защищают свои права без прежнего политического или общественного опыта (С. 106). В ходе анализа авторы стремятся показать, что социальные движения в России формируются и принимают новые формы: они «прагматичны», т.е. решают конкретные проблемы, ориентированы на развитие горизонтальных связей, самоорганизацию, самоуправление и сотрудничество с другими социальными движениями. При этом остается неясным, насколько эти новые черты распространены и устойчивы, как сочетается личный и общий интерес, представители каких со-

циальных классов и групп объединяются, на каком основании и до каких пор им «выгодно» объединение. Иными словами, наличие нового качества в движении декларируется без детального анализа жизненного опыта активистов и без определения условий, при которых появление и распространение активных граждан становится возможным.

О фонах и контекстах. Отчасти данное противоречие снимается при описании теоретического подхода, ориентированного на синтез структуралистского и социокультурного объяснений общественной активности и смены привычного стиля действий. С одной стороны, находятся структуры возможностей современной России, а с другой – традиции патернализма, т.е. иллюзии относительно заботы государства, которые ограничивают возможности. В результате «политико-институциональный контекст задает лишь общие рамки для коллективных действий, а его структура находит отражение в их конфигурации» (С. 299). Иначе говоря, в смене фреймов можно проследить формирование иных структурных возможностей. На мой взгляд, это очень перспективное утверждение. К сожалению, оно не развивается, и какие именно структуры проявляются в конфигурации практик, авторы не уточняют. Разве что речь идет о сетях и горизонтальных связях. В результате, активистский фрейм становится видимым, но перспективы его развития, в том числе влияния на распространение социальных движений, способных демократическим образом противостоять неолиберальной политике и давлению рынка, по-прежнему остаются туманными.

О смене привычек. Представленная схема процесса трансформации привычного стиля жизни (С. 369) применяется при анализе эмпирического материала. Обсуждение жилищного движения показывает значимость влияния сетей взаимодействия с другими активистами. Несмотря на узость задач жилищных активистов, формируется общность, объединяющая «очаги активности» и состоящая из сетей поддержки низовых гражданских инициатив, настроенных на установление гражданского контроля, т.е. на формирование альтернативной структуры власти. В свою очередь анализ забастовочного движения рабочих «Форда» и АвтоВАЗа показал серьезное влияние профсоюзной организации на формирование активистского фрейма и на положительный результат забастовки. Это обстоятельство позволило прийти к заключению, что профсоюзная организация «нового типа», гибко реагирующая на запросы со стороны рабочих, распространяющая информацию, выступающая как центр мобилизации ресурсов и координации действий, позволяет ускорить смену культурных установок. Иными словами, только активистского опыта оказалось недостаточно, и потребовалась определенная организация для мобилизации ресурсов на развитие движения. Рассогласование схемы и эмпирических фактов ярче проявляется в анализе кейса социально-протестного движения в Ижевске: в том, как происходит формирование «активистов», как сложно дается их объединение из-за отсутствия общей идеи и низкого уровня

доступных ресурсов, как сетевые возможности используются для компенсации дефицита того и другого.

О лидерах. Особое внимание в ходе анализа уделяется роли лидеров, которые также восполняют узость ресурсной базы. Авторы подчеркивают значимость лидеров нового типа, вышедших из обывательской среды и закаленных участием в социальных движениях. Приводятся примеры биографий нескольких активистов. Однако анализ биографий поверхностен, исключает, как правило, исходную стадию (обывательский фрейм) и не демонстрирует значимые периоды жизни, способствовавшие активизации. Это прослеживается в биографии астраханской активистки (С. 377–379), лидеров профсоюзов (С. 432) или региональных социальных движений (С. 497–500).

О движущих силах и перспективах. Эмоциональная подоплека коллективных действий выводит на сцену общественной активности «униженных и оскорбленных». Это не только рабочий класс, и не мифический средний класс, а «огромный пласт социально-уязвимых групп» (С. 356), перед которыми возникает конкретная проблема. Мне импонирует стремление авторов выявить широкую социальную базу современных общественных движений, выйти за рамки сугубо классовых или групповых интересов. И все же необходимы аргументы, доказывающие, что выявленные в книге способы активизации расширяют возможности равного участия разных слоев в решении острых социальных вопросов.

В заключении я хочу подчеркнуть важность и актуальность темы, которую поднимают авторы книги, а также значимость диалога вокруг проблем, с которыми сталкиваются активные граждане и исследователи, предоставляющие им голос. Стремление представить аудиторию, публику или общественную группу, отстаивающую общие гражданские права, может быть полнее реализовано в случае более четкого определения категории активных граждан: кто входит в их число, кто имеет возможности для активного протеста и эффективной защиты прав, с какими проблемами они сталкиваются и как их решают. Определение границ этой группы через противопоставление «обывателям» ограничивает понимание причин, по которым появляются активисты.

В условиях социальной поляризации и растущего неравенства реконструкция классических теорий может быть еще одним источником для понимания современной фазы общественного развития в целом и гражданского общества, в частности. Другой источник – сравнение с тем, как обсуждают общественные движения в других странах. Примечательно, что вопрос соединения частных и общих интересов не является исключительно российским. Американская исследовательница Теда Скочпол обеспокоена консервативными настроениями среди беднеющего среднего класса США, признает ограниченность политики представительства частных интересов и предлагает озадачиться тем, как расширить возможности участия многих в организационных начинаниях немногих (Skocpol 2010).

И, конечно, важно не только вести диалог с неакадемической аудиторией, но и развивать методологию исследований, позволяющих навести мосты между полярными социальными группами. Примером такой работы могут служить как феминистские исследовательские стратегии (Smith 1988), так и разные типы публичной социологии, которую совместными усилиями призывает развивать Майкл Буравой (Буравой 2008).

Список источников

Буравой М. За публичную социологию // П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.) *Социальная политика современной России: реформы и повседневность*. М.: ЦСПГИ, 2008: 8–51.

Skocpol T. Reinventing American Civic Democracy. *Kettering Review*. 2010: 49–60.

Smith D. *The Everyday World as Problematic. A Feminist Sociology*. Milton Keynes: Open University Press, 1988.

Максим Алюков

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЧАЙ: АНАЛИЗ КОНСЕРВАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В США

Skocpol T., Williamson V. The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism. New York: Oxford University Press, 2012. 264 p. ISBN 978-0-19-983263-7.

В 2008 г. президентскую гонку в США выиграл демократ Барак Обама. «Старая добрая партия»¹ попала в невыгодное положение: оставленная в арьергарде демократическим большинством в обеих палатах Конгресса и лишённая поддержки граждан, соблазнившихся прогрессивным «новым курсом» Обамы, она «выглядела как реликт прошлого, быстро оказывающийся не у дел» (Р. 6). Однако оплакивать республиканцев было рано. Вскоре низовая консервативная мобилизация, симпатизирующая политической программе Республиканской партии, стала охватывать штат за штатом, словно лесной пожар. Что вывело тысячи протестующих в колониальных костюмах конца XVIII в. на улицы? Что

Максим Алюков – исследователь, Лаборатория публичной социологии ЦНСИ (PS Lab), магистр факультета политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: malyukov@eu.spb.ru

¹ После гражданской войны в Америке республиканцы иронически называли себя «Галлантной старой партией» (Gallant Old Party), что позже в шутку переименовали в «Старую добрую партию» (Grand Old Party). Название используется и по сей день в виде аббревиатуры – GOP.

REVIEWS, OVERVIEWS

Svetlana Yaroshenko

WHAT IS THE FUTURE OF SOCIAL MOVEMENTS IN RUSSIA?

Clement C., Miryasova O., Demidov A. (eds.) *Ot obyvatelej k aktivistam. Zarojdayushiesja socialnye dvijenija v sovremennoy Rossii [From Ordinary Citizens to Activists. Rising Social Movements in Contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata, 2010. 668 p. ISBN 978-5-94607-139-0.*

References

- Burawoy M. (2008) Za publichnyu sotsiologiyu [For Public Sociology]. E. Yarskaya-Smirnova, Romanov P. (eds.) *Sotsialnaya politika sovremennoy Rossii: reformy i povsednevnost* [Social Policy in Contemporary Russia: Reforms and Everyday Life], Mocsow: CSPGR, 2008: 8–51.
- Skocpol T. (2010) Reinventing American Civic Democracy. *Kettering Review*: 49–60.
- Smith D. (1988) *The everyday world as problematic. A feminist Sociology*. Milton Keynes: Open University Press.

Maxim Alyukov

HAVING A TEA PARTY: ANALYSIS OF CONSERVATIVE MOBILIZATION IN THE USA

Theda Skocpol, Vanessa Williamson. *The Tea Party and the Remaking of Republican Conservatism*. New York: Oxford University Press, 2012, 264 p., ISBN 978-0-19-983263-7.

References

- Della Porta D. (1992) Life Histories Analysis of Social Movement Activists. M. Diani, Eyerman R. (eds.) *Studying Social Movements*, London: Sage: 168-193.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*, New York: Verso.
- Mouffe S. (2000) *The Democratic Paradox*, New York: Verso.
- Skocpol T. (1985) *Bringing the State Back in*, New York: Cambridge University Press.
- Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*, New York: Cambridge University Press.

Ilya Matveev

CAPITALISM AND THE CITY

David Harvey, "Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution" (New York: Verso, 2012), 187 pages, ISBN-13: 978-1-84467-904-1.

References

- Gray N. (2012) *Whose Rebel City?* Mute, 18 December 2012. Available at: <http://www.metamute.org/editorial/articles/whose-rebel-city> (accessed 7 July 2013).
- Lefebvre H. (1968) *Le droit à la ville*. Paris: Anthopos.
- Thoburn N. (2003) *Deleuze, Marx and Politics*, London: Routledge.
- World Bank Report 2009: Reshaping Economic Geography*, Washington, DC: World Bank.

Svetlana Yaroshenko – PhD (kandidat nauk) in Sociology, Docent, Comparative Sociology Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation. Email: svetayaroshenko@gmail.com

Maxim Alyukov – researcher, Public Sociology Laboratory CISR, MA, Faculty of Political Science and Sociology, European University at St. Petersburg, Russian Federation. Email: anti.anti.gravitation@gmail.com

Ilya Matveev – PhD student in the European University at St. Petersburg, Lecturer at the Department of Comparative Political Studies NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russian Federation. Email: imatveev@eu.spb.ru